

ХРИСТИАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается процесс формирования христианских политических концепций от раннего Средневековья до Новейшего времени. Исследуется эволюция катехонической концепции, легитимизирующей сакрализацию политической власти. Анализируются политико-теологические доктрины Римско-католической церкви. Рассматривается средневековое европейское политико-правовое учение о «Двух телах короля», обосновывающее непрерывность королевской власти. Исследуется феномен христианской монархии, христианской демократии, христианского социализма, «теологии освобождения», христианской теологии феминизма, христианского реализма Р. Нибура и др.

Ключевые слова: *Блж. Августин, катехон, «Москва – Третий Рим», теория двух мечей, «два тела короля», Э. Канторович, христианская монархия, христианская демократия, христианский социализм, теология освобождения, христианская теология феминизма, христианский реализм, Р. Нибур.*

На протяжении всей истории человечества религиозные воззрения оказывали значительное влияние на убеждения и модели поведения в обществе, на политическую культуру и содержание политических идеологем. Религия содействовала формированию и утверждению исторически сложившихся форм государственности и правовых систем. Религиозные институты как носители сакрального авторитета способствовали сакрализации политической власти посредством апелляции к сверхъестественным силам.

Опыт первых христианских общин, столкнувшихся с гонениями римских императоров, доказывал необходимость отстаивать и защищать свои права в государстве. В IV в. с укреплением позиций христианства в империи создаются условия для развития христианских политических доктрин, среди которых наиболее интересной представляется концепция «катехона». Во Втором Послании к Фессалоникийцам апостол Павел говорит о том, что приходу антихриста препятствует определенная сила: «...тайна беззакон-

ния уже в действии, только не свершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес. 2:3-8). Эта сила именуется «катехоном», что в переводе с греческого означает «удерживающий», или «сдерживающий». Катехон, как некий исторический субъект, призван сдерживать натиск мирового зла.

Святые отцы дают несколько толкований на указанный фрагмент из послания апостола Павла. Одно из них понимает под «удерживающим» благодать Святого Духа, которая будет отнята у людей за оскудение любви и всеобщее озлобление. Преподобный Ефрем Сирий (IV в.) [5] и преподобный Иоанн Дамаскин (VII в.) связывают эти слова апостола с проповедью Евангелия по всей Земле, которая необходимо предшествует концу света [6].

Однако наибольшее распространение в Риме получает иная трактовка апостольского пророчества, понимающая под «удерживающим» Римскую империю, страх перед которой не позволяет воцариться антихристу. Ряд отцов церкви рассматривал всемирную историю как преемственную последовательность четырех великих мировых империй – Ассиро-вавилонского, Мидо-персидского, Греко-македонского царств, и наконец – Римской империи, за падением которой последует приход антихриста. Именно такую трактовку предлагает один из трех вселенских святителей и учителей церкви Иоанн Златоуст, живший в V веке [7]. Опираясь на пророческое понимание воцерковления империи, он полагает римского императора-христианина «катехоном», препятствующим наступлению конца света. Концепция «катехона» легитимизирует процесс сакрализации власти в Римской империи: перед нами предстает языческий феномен почитания культа императора только уже в христианской огранке.

После падения Рима, а позже Византии, теорию переноса метафизического мирового царства (лат. *translatio imperii* – перенос империи) продолжают развивать средневековые государства для обоснования преемственности своей миссии в истории. Характерным примером этому выступает сформулированная XVI в. старцем псковского Спасо-Елеазарова монастыря концепция «Москва – Третий Рим» [15. С. 416]. До Флорентийской унии 1439 г. Константинополь как хранитель православия был для Московского государства вторым Римом. Его завоевание османами в 1453 г. было воспринято как Божия кара за отпадение от веры. Вечное православное царство должно быть унаследовано новым Третьим Римом, которым стала Москва – наследница Византии, а четвертому Риму «не бывать». Преемниками Римской и Византийской империи также полагали себя болгарский царь Симеон I, сербский король Стефан Урош IV Душан и даже султан османов Мехмед II Завоеватель.

Отправной точкой в процессе формирования западной христианской политической теологии стал труд иппонийского епископа Аврелия Августина

«О граде Божиим» (413-427) [1]. Будучи написан через несколько лет после взятия Рима вестготами, он констатировал непрочность и недолговечность земного града, по сравнению с христианской церковью. По мысли Августина Блаженного, человеческая история движется двумя путями – путем греха и беззакония, и путем – добра и стремления к истине. И если град земной «создан любовью к самим себе, доведенной до презрения к Богу», то Град Божий – «любовью к Богу, доведенной до полного самозабвения». Земной град ограничен временем, а град Небесный вечен: «там истинное и полное счастье, которое есть дар Божий» [1]. В основе философской концепции Августина лежит представление о том, что человеческая цивилизация развивается от низшего «царства язычников» (лат. *Das civitas sordibus*), к высшему «государству Божьему» (лат. *Das civitas Dei*), когда возникает вселенское христианское сообщество, возглавляемое совершенной в своей чистоте Римско-католической церковью. Варвары сокрушили на его глазах Римскую империю с ее развитыми политическими и социальными институтами, и блж. Августин пришел к выводу о том, что материальное должно быть подчинено духовному, как в индивидууме, так и в общественной жизни. Христианская община являет собой новую политику, ибо царство Христа, не от мира сего. Церковь призвана стать демиургом справедливого теократического мироустройства [19. С. 13-16]. Как новый субъект исторического процесса Церковь осуществляет миссию всемирного спасения.

В XI-XII в. на западе, в продолжении учения блж. Августина складывается «теория двух мечей» – политико-теологическая доктрина Католической Церкви, обосновывающая тезис о верховенстве власти Римского папы над светскими государями и о недопустимости их вмешательства в церковные дела. Папы короновали императоров и освещали их своей духовной властью. Два меча, символизирующие духовную силу и светскую власть находятся в руках Папы, однако Бог предписывает священнослужителю вложить «меч крови» в ножны. Этот меч папа дарует императору, которого он помазывает на царство. Только Римский понтифик может назначать или свергать правителей. Поэтому в обязанности Католической Церкви входит обличение нарушений христианских принципов правления со стороны светского государя. Таким образом, дамоклов меч обвинения в ереси и неповиновении Ватикану был всегда вознесен над головами императоров Священной Римской империи, которые были обязаны признать права верховных понтификов контролировать деятельность государственной власти.

Со временем европейские короли также пытались найти основания в Священном Писании для сакрализации своей власти, о чем свидетельствует исследование выдающегося немецкого медиевиста Эрнста Канторовича «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии» [8]. Канторович приводит следующий фрагмент из трактата английского юриста XVI в.: «У короля есть два тела, тело естественное и тело политиче-

ское» [8. С. 22]. Эти два тела короля, по мнению средневековых юристов, составляют «невидимое единство»: каждое из них полностью «содержится в другом». Таким образом, король уподобляется Христу, наделенному двумя природами – божественной и человеческой. По естественной природе своей король – обычный человек, а по божественной власти, переданной ему через миропомазание, он «персонифицирует» собой Христа [8. С. 43-81]. И если физическое тело короля подвержено тлению, то политическое тело вечно, о чем свидетельствует знаменитая фраза, произносимая во время вступления на трон европейских монархов: «Король умер, да здравствует король!» (фр. *Le roi est mort! Vive le roi!*).

Канторович указывает на сходство концепции «двух тел короля» и церкви как «мистического тела» (лат. – «*corpus mysticum*»), главой которого является Христос [8. С. 182]. Подобно тому, как церковь именуется «невестой Христовой», рождается мистический брак короля с королевством [8. С. 287-402].

В период реформации происходит переосмысление места и роли Церкви в жизни общества. Отвергнув авторитет Священного Предания, движение протестантизма сосредоточило свое внимание на тексте Священного Писания, создав необходимые условия для его нового прочтения [10]. Полифония, возникшая в библейской экзегетике, вкупе с новыми политическими идеологиями, распространившимися в Европе в XIX веке, создали условия для возникновения новых форм политического осмысления христианского вероучения, расцвет которых пришелся на XX век.

В отличие от Средневекового теоцентризма, фокус внимания новых христиан сугубо антропоцентричен и устремлен на преобразование окружающего мира, на освобождение от политических, экономических, культурных и духовных отчуждений, препятствующих реализации человеком своего высшего предназначения. Спектр христианских политических суждений этого периода весьма широк, от идей возрождения теократии, до создания христианской демократии и христианского социализма.

После падения монархии в России в среде церковной эмиграции наблюдалось возрождение эсхатологических ожиданий. Среди многих православных монархистов утвердилось мнение, что единственным катехоном, удерживавшим мир от прихода антихриста, был православный русский царь, после убийства которого мир вступил в эпоху торжества зла и ожидания прихода антихриста [16]. В связи с этим, необходимо всеобщее покаяние и реставрация монархии в России.

Либерально настроенные христианские философы мечтали о создании христианской демократии, которую возводили ко временам первых апостольских христианских общин. В частности, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже Г.П. Федотов в своем труде «Основы христианской демократии» убедительно доказывает, что православие в течение полутора тысяч лет жило в сакральной связи с цар-

ской властью, подвергнувшись искушению ее догматизации. Согласно Федотову, движение к Царству Божьему состоит напротив в «сужении власти Кесаря» и в расширении сферы политических свобод [17].

Другой яркий представитель российской религиозно-философской мысли за рубежом Н.А. Бердяев в своих трудах также подчеркивает ключевую роль свободы в духовном развитии человека: «Не человек требует от Бога свободы, а Бог требует от человека свободы и в этой свободе видит достоинство богоподобия человека» [2]. Человек порабощает себя ложными ценностями, которые в итоге «отчуждают его свободу» и приводят к их обоготворению, к их тирании. В Европе в этот период большую популярность также приобретают социалистические идеи, которые нашли свое преломление и в христианской политической мысли.

В конце XIX в. – начале XX вв. возникают первые христианские партии. В частности, социально-политические доктрины Римско-католической церкви легли в основу программ христианско-демократических партий. В условиях идеологического противостояния, возникшего после завершения Второй Мировой войны, европейские христианские демократические партии представили собственную стратегию переустройства общества и эффективную модель социально-экономической политики, основанную на принципах демократии и христианских ценностях. Однако, по мнению исследователя Г.Т. Сардаряна, впоследствии внутренняя секуляризация политической платформы этих партий привела их к кризису и последующему поражению на выборах [14].

Обновленную концепцию представления об участии христиан в общественно-политических процессах предложил профессор систематического богословия Тюбингенского университета Юрген Мольтманн. По Мольтманну, христиане должны бороться со всеми формами идолопоклонства и отчуждения от Бога – со всем тем, что лишает человека Божественного образа и подлинного достоинства. Мольтманн формулирует ряд новых богословских категорий, направленных на преобразование окружающего мира. Среди них «теология надежды», связанная с ожиданием реализации обетований Божьих, и «теология революции» – богословие христиан, страдающих и борющихся.

В 60-е гг. XX в. благотворной почвой для развития и применения социально-политических теорий нового европейского богословия стала Латинская Америка, где остро ощущаются проблемы социального неравенства и бедности. В Латинской Америке возникла т.н. «теология освобождения», которая отказалась от кабинетного богословия в пользу богословской практики, соединившей христианское учение с социалистическими идеалами. В рамках «теологии освобождения» воплощение в жизнь христианских ценностей, и реализация божественного плана спасения человечества неотделима от революционной борьбы. «Теологи освобождения» утверждают относи-

тельность всякой христологии, поскольку «всякий язык и всякое богословие являются историческими реальностями, обусловленными контекстом, в котором они формулируются» [4]. Особенностью герменевтики Священного Писания для теологии освобождения является «вопрошание всей полноты Писания с точки зрения угнетенных» [4]. «Теология освобождения» видит Христа как общественного деятеля, вовлеченного в социальную проблематику своей эпохи. Роль Церкви состоит в том, чтобы исполнять Божественную волю и, выражаясь языком, одного из видных теоретиков «теологии освобождения» бразильского богослова и философа Леонардо Боффа, реализовывать «политику Бога» по преобразованию мира [3. С. 232-233].

С 80-х гг. XX века Римская католическая церковь, в лоне которой возникла «теология освобождения», осуждает склонность последней к насилию, к учению марксизма, несовместимому с христианским Откровением, а также к произвольному политическому толкованию Священного Писания. Однако, несмотря на то, что пик движения приходится на 60-80 гг. XX века, «теология освобождения» переживает новое возрождение в связи с приходом к власти просоциалистических сил в странах региона. В итоговом документе Международной конференции «Освобождающая духовность в свете теологии освобождения», прошедшей в Каракасе в 2012 г., говорится: «Политика и вера должны пребывать в единстве. Освобождающая духовность озаряет политическое действие, обогащает его и ставит перед ним вопросы. Отказ от участия в политической жизни был бы предательством по отношению к Иисусу из Назарета и Его планам в отношении этого мира» [9. С. 6-18]. По словам бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса, «Капитализм – путь дьявола и эксплуатации. Если вы действительно хотите смотреть на вещи глазами Иисуса Христа – который, по-моему, был первым социалистом, – только социализм может действительно создать достойное общество» [9].

«Теология освобождения» нашла своих последователей и в США, и на Африканском континенте в движении т.н. «черной теологии», интерпретирующей Новый Завет в свете опыта угнетенного чернокожего населения. Как указывает протестантский богослов Иеремия Райт: «Иисус был бедным чернокожим человеком, потому что был угнетаем богатыми белыми людьми» [18]. «Черный» – это не столько цвет кожи, сколько символ угнетения, который может применяться ко всем людям, испытавшим угнетение. Божественный промысел направлен на спасение всех людей от угнетения. По мнению африканских теологов, Христа и Священное Писание необходимо освободить от западной теологии, основанной на греко-римской философской традиции. «Белое богословие» для них не является христианским богословием, так как оно находится на стороне «белых угнетателей». Поэтому африканцы верят в своего – «черного» Иисуса.

Среди радикальных христианских социально-политических учений эпохи постмодерна стоит выделить христианскую феминистскую теоло-

гию, которая настаивает на интерпретации священных текстов с позиций гендерного равенства [13. С. 165-186]. Обличая сексизм, феминистские теологи подчеркивают, что церковь не должна говорить с верующими, используя «мужской» язык в качестве языка Бога, так как совершенное существо не имеет пола: являясь одновременно «Создателем», «Отцом» и «Матерью» [12. С. 183-192]. Предлагая деконструировать маскулинный религиозный нарратив, феминистские теологи называют Иисуса «наша сестра», некоторые из них предлагают ввести средний род для обозначения Бога. Визуальным воплощением идей феминистской христологии является статуя «распятой женщины», расположенная в университете Торонто (США) [12]. Феминистская теология близка «теологиям освобождения». Она также неразрывно связана с мировым феминистским движением, ставя перед собой задачу эмансипации женщины в современном обществе и внутри христианской Церкви. Важным событием для достижения равноправия полов стала реализация требования большинства протестантских Церквей допустить женщин к пастырскому служению.

На фоне многочисленных радикальных богословских проектов по переустройству «земного» града куда более пессимистично выглядит концепция христианского реализма, выдвинутая знаменитым протестантским теологом, философом и политологом Рейнхольдом Нибуром. Нибур констатирует невозможность достижения общественных идеалов, поскольку постоянным фактором, присутствующим в истории человечества, является первородный грех, провоцирующий гоббсианскую войну всех против всех. Нибур приводит слова блж. Августина о том, что «никогда ни львы между собой, ни драконы друг с другом не вели таких войн, какие вели люди». В своей работе «Христианство и война» Р. Нибур указывает на то, что по причине человеческой греховности справедливость может быть достигнута только с помощью принуждения, с одной стороны, и сопротивления этому принуждению с другой. Неотъемлемым элементом стабильности является баланс сил [11]. Согласно Нибуру, «политическая жизнь людей должна постоянно колебаться между Сциллой анархии и Харибдой тирании» [11]. Поэтому «смотреть на человеческие сообщества с точки зрения Царства Божьего – значит понимать, что во всех средствах, которые политический порядок использует для установления справедливости, присутствует греховный элемент» [11].

Таким образом, в различные периоды истории возникают новые христианские политические концепции, которые переосмысливают доктринальные основы христианского вероучения для успешной реализации конкретных политических целей. Возникают и превращенные формы религиозных учений, нетождественные аутентичному христианству, с целью мобилизации верующих к активному участию в политическом процессе. Институты церкви дистанцируются от подобных политизированных форм христианского вероучения, однако возможности влияния церкви на них ограничены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аврелий Августин, блж.* О граде Божьем // https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея // https://librebook.me/ruskaia_ideia.
3. *Бофф Л.* Заявление // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1988. М.: Главная редакция восточной литературы, 1990.
4. *Выжсанов И., прот.* Теология освобождения в Римско-католической церкви // <https://www.portal-slovo.ru/theology/44804.php>.
5. *Ефрем Сирин, прп.* Слово на пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово // <http://soborjane.ru/blog/2015/10/29/sv-efrem-sirin-tolkovanie-lichnosti-antixrista-i-sobytij-poslednix-vremen/>.
6. *Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры, IV, 26 // https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very/.
7. *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на 2 Послание к Фессалоникийцам // http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/11_2/2_4.
8. *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Москва, 2005.
9. *Крылов П.В.* Теология освобождения в Латинской Америке: социальные идеалы и политическая практика // Проблемный анализ и государственное-управленческое проектирование. 2005. Выпуск 4.
10. *Леонардов Д.С.* Учение о богодухновенности Священного Писания со времени реформации (XVI в.) // https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Leonardov/uchenie-o-bogoduhnovenosti-svjashennogo-pisanija-so-vremeni-reformatsii-xvi-v/.
11. *Нибур Р.* Христианство и война // <http://www.rodon.org/relig-081226130629>.
12. *Подр. Суковатая В.А.* Феминистская теология и тендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // Общественные науки и современность. 2002. № 4.
13. *Реати Ф.Е.* Феминистская теология. В кн. Бог в XX веке: человек – путь к пониманию Бога // Западное богословие XX века. Санкт-Петербург: 2002.
14. *Сардарян Г.Т.* Христианско-демократическое движение в странах Европы после окончания Второй мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 4.
15. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). Москва, 1998.
16. *Сысоев Даниил, дьяк.* Богословские соблазны монархического движения // Благодатный огонь. 2000. № 4 // <http://www.blagogon.ru/articles/72/print>.
17. *Федотов Г.П.* Основы христианской демократии // https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/osnovy-hristianskoj-demokratii/.

18. *Wright Jeremiah A.Jr.* Doing Black Theology in the Black Church. In Linda E. Thomas (Ed.), *Living Stones in the Household of God: The Legacy and Future of Black Theology*, Minneapolis, 2004.

19. *Wilks M.J.* *Augustinus' Triumphs and the Problem of Authority in medieval Society, 1230-1350*. Cambridge, 1958.

I.V. KOLOSOVA

*PhD (history), Associate professor
of Politology and Political Philosophy Department,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

CHRISTIAN POLITICAL CONCEPTS: HISTORY AND MODERNITY

The article considers the process of development of the Christian political concepts from the early Medieval Ages to Modernity. It explores the evolution of the concept of Katechon, which legitimizes the sacralization of political power. It analyzes political and theological doctrines of the Roman Catholic Church. It considers Medieval European political and legal teaching on 'the king's two bodies', which substantiates continuity of the king's power. It explores the phenomena of Christian monarchy, Christian democracy, Christian socialism, "liberation theology", Christian feminist theology, Christian political realism of R. Niebuhr and other concepts.

Key words: *Augustinus Sanctus, Katechon, "Moscow – the Third Rome", doctrine of the two swords, "the king's two bodies", Ernst Kantorowicz, Christian monarchy, Christian democracy, Christian socialism, "liberation theology", Christian feminist theology, Christian realism, R. Niebuhr.*